

Павел Ребровский / Фото со страницы Ребровского в «Одноклассниках»

13.07.2019, 17:10 Москва

ДОКУМЕНТЫ

«Всё это следователь наворотил»: допрос фигуранта дела «Нового величия» Павла Ребровского

Фигурант дела «Нового величия» Павел Ребровский заявил, что дал признательные показания под давлением следователя — чтобы ему не вменили «террористическую» статью и не избили. Ранее он заключил досудебное соглашение и получил 2,5 года лишения свободы. ОВД-Инфо публикует фрагменты расшифровки с заседания 8 июля, где допрашивали Ребровского.

Судья спрашивает, знакомы ли Ребровскому другие подсудимые. Ребровский говорит, что знакомы, в ноябре 2017 года его добавили в чат. На вопрос прокурора

он отвечает, что целью чата было — разговаривать о политике, «встречаться, ходить на митинги, обсуждать прошедшие события». Первая встреча, по его словам, была в ноябре 2017 года.

Прокурор: О чем общались на данной встрече?

Ребровский: О политике, кто чем занимается, у кого какие интересы.

Прокурор: Что рассказывали о политике участники встречи?

Ребровский: Не нравится им, что происходит в стране, что на выборы не пускают кандидатов, которые им могут быть интересны.

Прокурор: Что предлагалось делать в такой ситуации?

Ребровский: Ходить на выборы, помогать в наблюдении.

<...>

Прокурор: Что дальше происходило после первой встречи?

Ребровский: Мы просто дальше продолжали, сняли помещение, дальше расклеивали листовки.

Прокурор спрашивает, кто предложил арендовать помещение и для каких целей. Ребровский отвечает, что, насколько он помнит, это был Руслан Данилов (на показаниях Данилова основывается обвинение; подсудимые и их защитники считают, что он действовал по указаниям ФСБ). Помещение было нужно, чтобы не встречаться в кафе и «в более комфортной обстановке обсуждать свои чаяния политические».

Прокурор: А кто, вообще, наиболее активную роль играл в этих собраниях, обсуждениях, предложениях? Кто инициировал создание организации?

Ребровский: Да это самоорганизация по сути.

Прокурор: Ну кто...

Ребровский: Ну самоорганизация. Мы сами все собрались.

Прокурор: Кто разрабатывал устав, эмблему, девиз?

Ребровский: Насчет эмблемы точно не знаю, устав писал, по-моему, Руслан Данилов.

<...>

Прокурор: Скажите, в каких митингах участвовали участники общества «Новое величие»?

Ребровский: 28 января — «Мы за честные выборы» — и на митинг Немцова ходили.

Прокурор: Что там делали, чем занимались на этих митингах?

Ребровский: Выражали просто свое недовольство, скандировали лозунги. Никаких там экстремизмов не было.

Прокурор: Пытались как-то заявить о своей организации, распространить сведения, известить людей?

Ребровский: Ну да, распространяли, свой плакат вывешивали.

Прокурор: Какие-то агитационные материалы распространяли?

Ребровский: Распространяли листовки.

Прокурор: Листовки. Кто печатал, на чем печатал эти листовки, что там было написано?

Ребровский: «Мы не скот — выборам бойкот».

Прокурор: Еще что?

Ребровский: Что-то там — «Они воруют — а ты сидишь и в это веришь».

Прокурор: Еще что?

Ребровский: «Ты с нами».

<...>

Прокурор: Какая была структура вот этого объединения «Новое величие», иерархия какая была?

Ребровский: Ну я возглавлял отдел активных действий, заместитель мой был Полетаев.

Прокурор: А еще какие отделы были?

Ребровский: А еще был агентурно-вербовочный отдел.

Прокурор: Кто его возглавлял?

Ребровский: Это я не помню, кто его возглавлял. Там информационный отдел и юридический отдел.

Прокурор: Чем вообще занимались эти отделы, какие у них были цели и задачи?

Ребровский: Поиск и организация митингов — это я, юридический отдел — это правовая оценка документов, или если кто попадет в беду, кого-то на митингах случайно зацепит, чтобы быстро оказать первую быструю правовую помощь, чтобы не наворотили там ничего.

Прокурор: А вот отдел активных действий чем занимался?

Ребровский: Организация, проведение митингов, поиск митингов, какие мероприятия сегодня актуальны.

Прокурор: Какой был высший руководящий орган организации, который над всеми отделами стоял?

Ребровский: Не было такого.

<...>

Прокурор: Предлагалось ли для участия в митингах, акциях протестных приобрести оружие либо какие-то средства защитные?

Ребровский: Это все со стороны Данилова шло. Я только от него и слышал — все эти каски там и так далее.

Прокурор: А еще что, кроме касок?

Ребровский: Какая-то защитная экипировка, там дубинки какие-то еще и прочий бред.

Прокурор: Предлагалось ли в отношении сотрудников правоохранительных органов применять такие средства?

Ребровский: Ну, насчет этого я точно не помню. То, что там будем сейчас всех убивать, стрелять. Все, что написано в чате из таких эмоциональных порывов там — это чисто аллегории и оценочные суждения.

Прокурор: Вы какие-то взрывы, поджоги, че-нибудь планировали?

Ребровский: Нет, не планировалось. Прямо вот конкретно, пойдем сейчас все сжечь...

Прокурор: Ну предлагалось? Предлагал кто-нибудь из участников что-нибудь такое?

Ребровский: Ничего. Если так это было сказано — то только в шутку, никто всерьез об этом даже не помышлял, и никаких разработок по этому делу даже не велось.

<...>

Прокурор: Когда была последняя встреча?

Ребровский: По-моему, после 8 марта.

Прокурор: Что обсуждалось на данной встрече?

Ребровский: Закрытие организации.

Прокурор: Почему?

Ребровский: Ну, вообще... У нас очень были все... Какие-то уже начались политические разногласия, и сама организация начала раскалываться, и решили разойтись.

<...>

Прокурор: То есть вы говорите, что никаких радикальных действий никто не предлагал, ни поджогов, ни взрывов?

Ребровский: Нет, там всё это следователь наворотил.

Прокурор: А вы вообще какие показания на следствии, такие же или другие?

Ребровский: Все эти показания были даны под давлением, под угрозой 205-й статьи (статья УК о терроризме — *ОВД-Инфо*).

Прокурор: А вы в присутствии защитника допрашивались?

Ребровский: Да, в присутствии защитника было.

Прокурор: То есть вы подписали ваш допрос?

Ребровский: Да, потому что я опасался, что мне пришьют именно 205-ю статью.

Прокурор: А в суде вы не заявляли об этом, когда в отношении вас дело рассматривалось?

Ребровский: Ну просто понимаете, в чем тут дело. Условие досудебного соглашения гласило так: я получаю условку, иду домой. Но почему-то прокурор потребовала четыре года реальных, и получилось, что мне дали реальный срок. Я должен был, по мнению следователя, уже когда получил условный срок, идти у него спросить, по телефону или по интернету, дать нужные показания. А я сейчас этого не могу сделать, потому что я... посажен.

Прокурор: Ну вы поэтому изменили свои показания?

Ребровский: Ну как еще — я ж не знаю, что говорить. Я выучивать наизусть это тоже не могу, потому что в изолятор это не пропустят.

Прокурор: А кто оказывал на вас давление?

Ребровский: Ну очевидно, следовательно, он очень сетовал, что у него очень много дел, у него, видите ли, десять уголовных дел, он не справляется.

Прокурор: А давление-то в чем заключалось?

Ребровский: Либо ты сейчас все это подписываешь, либо я тебе вешаю 205-ю статью.

Прокурор: Все это происходило в присутствии адвоката?

Ребровский: Да, в присутствии адвоката все происходило.

Прокурор: И ни у адвоката, ни у вас никаких возражений не было?

Ребровский: Нет, мы долго очень думали над этим. Он дал нам подумать время. Мы сказали — повремени немножечко, господин следователь, мы подумаем над этим делом.

Прокурор: Вы какие-то заявления в правоохранительные органы писали, о том, что на вас давление оказывалось?

Ребровский: Нет, потому что я так думал, что действительно — может быть, с одной стороны, дадут вот эту террористическую статью, если я не подпишу досудебное соглашение. Если подпишу досудебное соглашение — мне не пришлют террористическую статью и дадут условный срок. Ну вот вышло как-то непонятно.

Прокурор: У меня пока нет вопросов.

Светлана Сидоркина: Адвокат Сидоркина, защита Костыленкова. Скажите, пожалуйста, вот в ходе своих показаний вы говорили о том, что Руслан Д., Данилин — правильно я говорю?

Ребровский: Данилов, он же Константинов...

Сидоркина: Да. Когда и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились и как он вам представлялся?

Ребровский: Я с ним познакомился, когда уже пришел в само помещение.

<...>

Сидоркина: Скажите, пожалуйста, а откуда вам известно, что именно Руслан Данилов изготавил устав?

Ребровский: Ну он его собственно и представил, представил в чате. Ну и он активно так говорил. «Ну, кто будет читать устав, давайте, обсуждайте устав!»

Сидоркина: Инициатива от кого исходила по поводу создания устава?

Ребровский: От него, вроде как. И от него вот эта появилась структура — я был против вначале всей этой структуры. Изначально структура была просто тупо практичная — то, что одни там, кто-то занимается агитацией, ходит. Другие ребята, кто не может заниматься агитацией — они помогают им и, собственно, мы ходим все на митинги дружно и смотрим, нет ли там уже задержаний. И если есть — смываемся.

Сидоркина: А вот создание так называемых отделов — это тоже инициатива исходила от него?

Ребровский: Да.

Сидоркина: А назначение конкретно на... Распределение по отделам, кто производил?

Ребровский: Ну, насколько я помню, у меня такая есть информация о том, что Данилов Костыленкову писал все это по электронной почте. Все эти команды.

Сидоркина: То есть он ему давал указания?

Ребровский: Да.

Сидоркина: А Костыленков это озвучивал?

Ребровский: Да, это озвучивал. Такое у меня был впечатление иногда, что он такой серый кардинал этой всей организации.

Сидоркина: Еще скажите, пожалуйста, а вот инициатива приобретения принтера от кого исходила?

Ребровский: Ну от него.

Сидоркина: От Руслана Д?

Ребровский: Ну как, я смотрю, они там что-то обсуждали, естественно ребята чего-то загорелись. Я им говорю: мы можем печатать все эти листовки на своих принтерах, зачем покупать эту дуру, тем более она может оказаться вещдоком. Нет, «плохая картинка» и так далее.

Сидоркина: Скажите пожалуйста, еще вопрос. А вот так называемые тренировки, о которых писало следствие, в виде стрельбы из ружья и метания коктейлей Молотова или бутылок с зажигательной смесью — это действительно были тренировки или что-то другое?

Ребровский: Это просто развлекаловка была. Скорее всего, насколько я помню, Костыленков говорил, что все эти стрельбы приходили во время охотничьего сезона. Там просто по фотографиям, уже впоследствии, насколько представить, мог себе вообразить это просто был полигон,

где охотники тренировались в меткости, чтоб в дичь стрелять.

Сидоркина: У меня больше пока нет вопросов.

Максим Пашков: Позволю себе. У меня очень мало вопросов. Защитник Пашков, защита Дубовик. <...> По поводу устава. Вы говорите, что Данилов представил устав. Скажите, за устав формальное голосование было?

Ребровский: Было.

На вопрос Пашкова Ребровский отвечает, что текст, за который голосовали, постоянно переписывался и единого текста не было. Устав он называет «филькиной грамотой, которой можно подтереться» и говорит, что его никто не подписывал.

Пашков: Следующий вопрос. Велись ли протоколы на собраниях?

Ребровский: Нет.

Пашков: Нет или вы не знаете?

Ребровский: Я не знаю, но вроде ничего там не писалось. Он чего-то там сидел, писал-писал себе.

Пашков спрашивает, предпринимались ли какие-то действия, которые вели бы к государственному перевороту. Ребровский отвечает, что не знает, как листовки могли бы этому поспособствовать.

Пашков: Скажите пожалуйста, а кто был, по вашему мнению, истинным лидером организации?

Ребровский: Все-таки, наверное, Данилов. Как я и сказал, это черный кардинал, он постоянно всякие радикальщины пропихивал.

<...>

Пашков: А какие меры конспирации принимались?

Ребровский: Да мы собственно, никаких конспираций-то не было. Чего прятать-то? Ну что там, бомба что ли?

Пашков: Просто в обвинении было написано, что вы изоощренно конспирировались и так далее.

Ребровский: Ага, наша конспирация состояла в том, что мы зашли в Killfish и я предложил отойти от лишних ушей и пройти в кальянную в VIP-зону.

(смех в зале)

Пашков: И все?

Ребровский: В Беляево. Да. Просто хотелось покурить кальян.

*Пашков спрашивает, как финансировалась организация.
Ребровский отвечает, что из карманов участников.*

Пашков: А за аренду помещения кто платил?

Ребровский: Ну в основном есть такая версия, в принципе я с ней согласен: в основном бухал туда Данилов, потому что он, как сам признался, что у него хорошая работа, в строительной компании, естественно там деньги большие платят. Мы-то все люди такие, среднего класса.

Пашков: Такой вопрос, вы пояснили, что вам угрожали обвинением по 205-й статье.

Ребровский: Да.

Пашков: И только поэтому вы пошли на досудебное соглашение?

Ребровский: Ну как, просто с одной стороны, я забоялся того, что нас всех закроют сразу. <...> Мы вот с вами здесь присутствуем только с одной экстремистской статьей,

с другой стороны, если бы я не согласился, этому следователю взбрело бы в голову всем пришить по 205-й. Всем хотели забабахать.

Пашков: То есть вы согласились на досудебное соглашение исключительно под этой угрозой?

Ребровский: Да.

Пашков: Скажите пожалуйста, а вы помните те показания, которые вы подписали?

Ребровский: Там вообще какая-то полная жесть. В основном следователь опирался на показания — внимание! — из закрытого чата телеграма.

<...>

Защитник Дмитрия Полетаева спрашивает, насколько активны были другие участники, помимо Данилова Ребровский отвечает, что они вели себя скорее пассивно — «кто-то даже боялся расклеивать листовки».

Один из адвокатов: Скажите пожалуйста, вам известно, кто создавал, написал программу политическую «Нового величия»?

Ребровский: Все тот же человек.

Адвокат: Кто?

Ребровский: Данилов.

Адвокат: Что касается протоколов собрания, скажите пожалуйста, вам известно, что Данилову кто-либо поручал ведение этих протоколов?

Ребровский: Вот это я не могу знать.

Адвокат: Данилов писал протоколы. Он кому-нибудь их показывал?

Ребровский: Нет. Все сидел вот так вот, под себя чего-то там писал.

Адвокат: Все, вопросов нет.

Сидоркина: У меня вопрос такого порядка. Скажите, пожалуйста, а известно ли вам, что Данилов вел аудиозаписи ваших собраний?

Ребровский: Нет, я об этом только узнал от следователя.

Сидоркина: То есть в ходе проведения следствия?

Ребровский: Да, мне вот, собственно говоря, чтобы меня принудить подписать это досудебное соглашение — липовое. Потому что оно уже было нарушено в ходе моего рассмотрения. И тогда вот в этих всех разговорах сказал, в том числе, Данилов все записывал на телефон свой. И даже, по-моему, записывал все встречи на полигоне, на стрельбах.

Сидоркина: Ясно. А вы в ходе проведения ознакомления с материалами уголовного дела эти аудиозаписи слушали?

Ребровский: Да, слушал. Там в основном «ха-ха» было, вот это все в шутку было. А он следователь мне такой еще, помню, говорил: «Ну как ты это докажешь, что это в шутку?»

Сидоркина: Еще скажите, пожалуйста, помимо Данилова кто-то из числа лиц, которые присутствовали на этих собраниях, вел такую же активную деятельность? Вы могли бы сказать, что их действия были в какой-то мере провокационными?

Ребровский: Никаких вот прям таких явных провокаций не было. В основном от него такая жесть пошла.

Сидоркина: От Данилова?

Ребровский: Ну да. До этого никакого-такого не было. Мы тихонько все встречались. Никакой жести такой...

Сидоркина: Скажите пожалуйста, а кто из числа лиц, которые присутствовали на собраниях, говорили о штурмовых отрядах? Вам что-то по этому поводу известно?

Ребровский: Ну про штурмовые отряды, ну это может быть только Костыленкову, наверное опять Данилов рассказал про штурмовые отряды. Это уже, видимо, когда уже под конец следствия, когда уже реально там сотрудники полиции пришли там, начали рассказывать, чтобы подбить на это.

Сидоркина: А знаете ли вы из числа тех, кто присутствовал на этих собраниях, такие фамилии как Испанцев.

Ребровский: Да-да, собственно говоря, Испанцев, по ходу дела, нас всех и допрашивал.

Сидоркина: Что вы под этим подразумеваете?

Ребровский: Ну то, что потом, когда он меня лично допрашивал, он мне угрожал. Потом, когда он снял маску после этих всех допросов и угроз. Я потом увидел вот это вот лицо, которое было в интернете, прошло. Я смотрю — о, лицо знакомое.

Сидоркина: Я не совсем вас поняла, о каком допросе вы говорите.

Ребровский: Меня допрашивали как свидетеля с угрозами без адвоката.

Сидоркина: Это когда вас задержали?

Ребровский: Когда меня задержали, да.

Сидоркина: То есть вы считаете, что вас допрашивал Испанцев?

Ребровский: Скорее всего, да. Ну, а кто же там, беленький такой? Блондинчик.

Сидоркина: У меня больше нет вопросов.

<...>

Каринна Москаленко: Скажите, пожалуйста, вы рассказывали суду о том давлении которое на вас оказывалось во время следствия. Скажите, пожалуйста, перед судом никто не пытался оказать на вас никакого давления, запугивания?

Ребровский: Ну меня очень сильно напрягло, что почему-то прокурор какие-то четыре года реального запросил.

Москаленко: Вы это расцениваете как давление?

Ребровский: Ну вполне возможно да.

Москаленко: Спасибо.

<...>

Судья: Еще вопросы?

Прокурор: Ходатайство, ваша честь, у нас.

Судья: Пожалуйста.

Прокурор: У меня ходатайство об оглашении показаний свидетеля в порядке части 3 статьи 281 УПК в связи с наличием существенных противоречий относительно тех показаний, которые он давал на предварительном следствии. В частности, по вопросам, кто арендовал помещение под офис, кто разрабатывал устав организации, кто печатал листовки. Предлагалось ли участниками Нового величия совершения радикальных и насильственных действий против представителей власти и правоохранительных органов. Также кто занимал лидирующую роль при проведении собраний, а также при организации деятельности Нового величия. Вот в этой

части я считаю, что имеются существенные противоречия, поэтому прошу огласить показания свидетеля в томе 25 на листах дела 189–208.

Пашков: Возражаю.

Один из адвокатов: Возражаю, ваша честь. Свидетель уже сказал, что они были даны под давлением со стороны следствия. В обвинении по статье...

Ребровский: А, кстати, еще один факт: я не сказал о том, что Вячеслав Крюков якобы тоже подписал досудебное соглашение. Мне это следователь сказал. А оказывается, что это липа.

Судья: Мнения участников процесса и подсудимых по ходатайству?

Хор: Возражаю.

Судья: Все возражают?

Один из адвокатов: Уважаемый суд, я прошу прощения, я бы хотел бы уточнить. Вы показания, уважаемые государственные обвинители, вы просите огласить показания, данные Ребровским в качестве кого?

Прокурор: В качестве обвиняемого.

Адвокат: Возражаю, уважаемый суд. В настоящий момент Ребровский не является подсудимым, он является свидетелем. Соответственно, его показания данные в пользу...

Судья: Обратите внимание на решение КС, на положение лица, с которым было заключено досудебное соглашение, которое проходит в рамках уголовного дела по основному уголовному делу...

Адвокат: Известно.

Судья: Все известно, да? Суд учитывает мнение участников процесса.

Судья выносит решение об удовлетворении ходатайства прокурора и зачитывает показания Ребровского.

Судья: Слышали показания?

Ребровский: Слышал.

Судья: Они вам понятны? Непонятны?

Ребровский: Непонятны. Они были даны под давлением 205-й статьи и тем, что якобы Вячеслав Крюков заключил досудебное соглашение.

Судья: Вы их не подтверждаете?

Ребровский: Нет.

Судья: В связи с оглашенными показаниями вопросы еще есть?

Сидоркина: Ваша честь, можно один вопрос? Адвокат Сидоркина, защита Костыленкова. Скажите, пожалуйста, а как проходила процедура допроса? Который был оглашен.

Ребровский: Ну я пришел... Следователь, вообще, очень пользовался тем, что адвокат там опаздывал по своим личным причинам, и начинал на меня давить.

Судья: Допрос-то проводился с адвокатом?

Ребровский: Без адвоката сначала. А потом, когда адвокат приходил, все приостанавливал, потом допрос вообще прекращал.

Судья: Ну я сейчас читал около тридцати минут, не менее, если не больше. Тридцать минут — это...

Ребровский: Потом уже это стал допрос, после этого вот обещания условного срока. Просто как уговор... Условие

этого досудебного соглашения были такими...

Судья: Ну следовательно то, что написал — это все придумал?

Ребровский: Да.

Судья: А, это придумано следователем.

Ребровский: У него такая тема была, что я это должен был зачитать, находясь под условным сроком. Т. е. я ему должен был позвонить, он мне должен был перекинуть. И я должен был зачитать это на суде. Но поскольку я нахожусь уже в местах лишения свободы, т. е. я вот словил срок, более того, человек просто, грубо говоря, наврал, то, что я получу условный срок, повешу голову, как он сказал, «и пойдешь домой». «Получишь срок и пойдешь домой».

Судья: Ну понятно. Пожалуйста.

Сидоркина: У меня больше нет вопросов.

Москаленко: Скажите, пожалуйста, свидетель, как вы можете объяснить причину того, что вы даете показания, описывающие происходившие события — встречи, стрельбы и так далее, — даже тогда, когда вы поясняете, что вы на этих встречах не были?

Ребровский: Так это же следователь все строчил. Когда я подписал это...

Москаленко: Спасибо. Следователь.

Пашков: Адвокат Пашков, защита Дубовик. Павел Викторович, а это вообще ваши показания?

Ребровский: Ну как... Он все читал, потом сам...

Пашков: Это вы говорили?

Ребровский: Нет, он додумал очень много.

Судья: А вы их подписывали?

Ребровский: Ну я подписал, потому что мне надавили на 205-ую, сказали, что будет условка. Но нет условки — и я не подтверждаю, естественно, вот это все.

Пашков: Павел Викторович, а вот эти показания...

Судья: Очень хороший ответ... Нет условки — поэтому не подтверждаю. А от обратного если?

Пашков: Ваша честь, а есть и другие показания. Которые складываются с тем, что он давал здесь, в суде. Есть и другие показания. И мы, кстати, будем ходатайствовать и об их оглашении тоже.

Судья: Задавайте пока вопросы.

Пашков: Павел Викторович, скажите, пожалуйста, а эти показания как вы технически подписывали? Это с ваших слов записывалось или это вам уже готовы листы были...

Ребровский: Готовые листы были. Он печатал.

<...>

Пашков: У защиты есть ходатайство также об оглашении показаний Ребровского, данных им на предварительном следствии в качестве подозреваемого, которое даны в присутствии того же защитника. Это листы дела 25–32, том 25. Также мы хотели бы их огласить в связи с имеющимися противоречиями с тем, что он давал в суде — ну может что-то забылось и так далее. В частности, противоречием является... Он говорил о том, что он ходил на митинг Навального несанкционированный, а вот в этих показаниях другая информация. Он говорил,

что финансовые вопросы там один человек решал, а там другая информация в показаниях. Мы тоже хотели бы огласить эти показания Это том 25, листы дела 25–32.

Судья: Мнение участников процесса.

Хор: Не возражаю. Не возражаю.

Судья: Общее мнение, да?

Прокурор: А я не вижу противоречий, поэтому я возражаю.

Москаленко: Я прошу прощения, я хотела бы высказаться. <...> Вот я хотела бы уточнить, что с моей точки зрения, в тот момент, когда свидетель заявляет, что им показания давались...

Судья (перебивает): Давайте обсудим ходатайство вашего коллеги.

Москаленко: Вот я об этом и говорю. Я...

Судья (перебивает): Вы против или за?

Москаленко: Я сейчас объясню. Я...

Судья (перебивает): Объясните одним словом — да или нет, вот и все.

Москаленко: Я бы хотела мотивировать, с вашего позволения.

Судья: В чем мотивация-то будет состоять?

Москаленко: Сейчас скажу.

Судья: Ну-ну.

Москаленко: Значит, в тот момент, когда свидетель заявил, что его показания даны под давлением, я, ваша честь, категорически бы возражала против — как, по моему, и вся защита — категорически возражала против

оглашения этих показаний. Но коль скоро суд принял решение огласить эти показания, а они противоречат другим показаниям и показаниям, данным, в свою очередь, в судебном заседании, то для равноправия сторон и объективности и всесторонности процесса, я поддерживаю ходатайство... Я вообще считаю, неправильно было принято решение об оглашении. Но я поддерживаю ходатайство моего коллеги, что тогда и вторые показания, показания в качестве подозреваемого также должны быть оглашены. Вот прошу рассмотреть.

Судья: Теперь каждый будет по отдельности высказываться, защитники и подсудимые.

Адвокаты и подсудимые поддерживают ходатайство. Судья выносит решение его удовлетворить. Судья зачитывает показания. Последние слова, которые он зачитывает: «протокол был подписан <...> при участии защитника».

Ребровский: Без участия защитника. Это было подписано. Защитник только уже появился, когда у нас...

Судья: Не спешите. Еще вопросов вам никто не задавал. Сейчас все своим чередом. Давали такие показания 15 марта 18-го года?

Ребровский: Давал под угрозами оперативников. Без адвоката.

Судья: Содержание данного протокола соответствует действительности или нет?

Ребровский: Частично.

Судья: В чем частичность?

Ребровский: Ну в том, что там Костыленков что-то там, Аня Павликова принимала самое активное участие — там все потихонечку как-то принимали участие.

Судья: Правильно ли я вас понял, вы эти показания не подтверждаете, они были даны без участия защитника?

Ребровский: Ну они под угрозами, они хотели меня побить. Ну такие они, эти показания. Меня реально хотели побить. Меня человек в маске допрашивал.

Один из адвокатов: Разрешите уточнение, ваша честь? А что именно из этих показаний вы не подтверждаете? Или в полном объеме?

Ребровский: Ну я частично подтверждаю, что это просто был балаган, просто там собирались. Ну может там Костыленков сказал там, что «коктейли». А что за «коктейли» мы не знали на самом деле. Стрельбы происходили, но стреляли в охотничий сезон.

<...>

Судья: Поясните нам всем. И какие же показания достоверные, правильные.

Ребровский: То, что мы все собирались...

Судья: Я не задаю, собирались — не собирались. Я задаю вопрос относительно самих показаний без их комментария. Понимаете меня?

Ребровский: Там какие-то моменты...

Судья: Вот и поясните нам, какие конкретные моменты, чтобы мы все поняли вас.

Один из адвокатов: Вы запомнили, что оглашал судья?

Ребровский: Нет, не запомнил.

Один из адвокатов: Поэтому ему сложно...

Один из адвокатов: Может ему дать показания и вы сможете сказать суду, что правда здесь, что

неправда? Можно, ваша честь, тогда предоставить ему показания и он скажет, что.

Судья: Мы сейчас дадим ему показания, потом будем разбирать, как говорится, по косточкам.

Один из адвокатов: Как ваше самочувствие?

Ребровский: Плохо.

Защита ходатайствует о перерыве. Адвокат Москаленко уточняет, достоверны ли показания, который Ребровский дал на этом заседании. Ребровский подтверждает, что они достоверны. Адвокаты говорят, что готовы закончить допрос.

Судья: Вопросы? Нет вопросов. У обвинения?

Прокурор: Нет вопросов.

Судья: Завершаем допрос.

Дело «Нового величия»

В движение «Новое величие» внедрились сотрудники спецслужб. Участников обвинили в создании экстремистского сообщества.

23 139

Ещё почитать

27.02.2026 Москва

В Москве в третий раз за неделю у здания Генпрокуратуры задержали пикетчицу из

